

3. Вакурова, Н.В. Жанр рецензии как форма PR: к постановке проблемы / Н.В. Вакурова // Журналистика в 2008 году: общественная повестка дня и коммуникативные практики СМИ: материалы Всероссийской науч.-практ. конф. – М., 2009. – С. 443–444.
4. Вакурова, Н.В. «Московская правда» – газета для всей семьи // Журналистика в 2013 году: регионы в Российском медиапространстве: материалы междунар. науч.-практ. конф. – М., 2014. – С. 141–142.
5. Костин, Е.В. В.Я. Лакшин и традиции реальной критики / Е.В. Костин, Г.И. Щербакова // Информационное поле современной России: практики и эффекты: материалы Десятой междунар. науч.-практ. конф. – Казань, 2013.
6. Тертычный, А.А. Жанры периодической печати: учеб. пособие / А.А. Тертычный. – М.: Аспект Пресс, 2000.

Екатерина Выровцева

*Самарский государственный университет
(Россия)*

«НОВОСТИ ПРОТИВ КУЛЬТУРЫ»: ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА В СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ СМИ

На конференции в Санкт-Петербурге при обсуждении темы «Культурная жизнь общества: взгляд журналиста» разгорелся спор. Обозреватель по культуре местного телевидения А. Фрадкина настаивала на том, что о концерте симфонического оркестра или о спектакле журналист должен рассказывать так же, как о прорыве трубы. Главный редактор лучшего, по мнению многих, издания о театре – «Петербургского театрального журнала» – М. Дмитриевская категорически возражала против этого. Я на стороне М. Дмитриевской, но проблема действительно есть, и с каждым днем она обостряется. Поэтому говорить о ней очень важно.

При теоретическом осмыслении профессиональной журналисткой деятельности выделяются три уровня: «уровень общества в целом, уровень информационной организации и уровень отдельного журналиста» [2, с. 14]. Этим трем уровням и соответствуют основные проблемы реализации темы культуры в современных массмедиа. На уровне общества приходится говорить о том, что художественная культура в последние десятилетия оказалась без должного внимания государства. Это проявляется и в принципе финансирования ее по «остаточному принципу»; и на уровне общей культуры лидеров общественного мнения, формирующих представление об успешном человеке и о системе ценностей; и в сетке вещания СМИ – культура практически «загнана» на один канал.

Кроме того, превращение культуры в сферу обслуживания и в бизнес – еще одна значимая причина ее бедственного положения. О «зрелищном характере массовой культуры» [5, с. 147] много написано в учебной и научной литературе. Акцентируем внимание лишь на том, что сегодня все более заметна тенденция превращения любого художественного произведения (и культурного события) в текст массовой культуры – в «классику-лайт», когда упрощение образов, сериальность, чрезмерная визуализация, внешние эффекты становятся главными принципами при представлении Достоевского, Шекспира, Чайковского, Малевича, Годара и др.

Важен и второй уровень – информационная организация, технические возможности которой (плюс эстетика постмодернизма) позволили сделать зрелищным любое событие. Культ игры и мозаичность композиции сегодня стали главными характеристиками медиатекста в целом и журналистского произведения в частности. Причем тема культуры благодаря мультимедийным возможностям и по причине замещения основных функций СМИ развлекательной лишилась своего главного преимущества – подачи информации с помощью образов. АРТизация всех сфер жизни, включая политику, экономику, криминал, спорт, привела к тому, что «содержание новостей может быть занимательным, а их потребление – развлекательным» [2, с. 20], что «политическая жизнь с ее сценариями избирательных кампаний становится все более театрализованной и зрелищной» [5, с. 147].

В текстах СМИ трансформируются отношения между фактом и образом, стандартом и экспрессией, документальностью и художественностью. Особенно это заметно в публикациях на тему культуры, где, как известно, особый предмет исследования – отраженная реальность. Это специфический объект оценки и анализа в публицистике, которая традиционно грамотно сочетала приемы журналистики и критики. Но сегодня профессиональный взгляд сохранился только в специализированных изданиях, рассчитанных не на массовую аудиторию, а на очень ограниченный круг «посвященных». А в массовых изданиях грамотная критика отсутствует или сведена к минимуму.

Еще В. Ученова заметила: «Эффект документальности обладает широким диапазоном действенности, значительно более широким, чем художественная образность. Художественной образности присуща большая избирательность эмоционального воздействия, чем документальности» [6, с. 129]. Так, растиражированная СМИ интертекстуальность сегодня почти не работает, если в роли прецедентных текстов

используются не рекламные ролики или эстрадные хиты, а классические произведения. Вместо сложного ассоциативного ряда журналист, пишущий о культуре, предлагает массовой аудитории занимательные факты, игровую форму, увлекательный контекст – «документалистика завоевывает новые позиции» [6, с. 129]. Она ограничивает уровни чтения и понимания художественного произведения, на что справедливо указывает Н. Булацкая: «Информационный уровень, по сути, поверхностный, не развивающий в должной степени художественное восприятие. Или развлекательный уровень, при котором главное – отдохнуть, занять свободное время, особо не трудясь над анализом потребляемого, не докапываясь до глубины, до сути» [1, с. 479]. И тут встает вопрос о профессионализме журналиста, который сегодня в силу разных причин довольствуется именно этими двумя уровнями – и при восприятии культуры, и при представлении ее в СМИ.

Необходимо признать объективные факторы, влияющие на такое отношение к художественной культуре. Во-первых, сегодня требуется много разной информации для ориентирования в водовороте событий, для того чтобы успевать следить за меняющейся картиной мира. Новостей так много, что сколько-нибудь подробному анализу художественного произведения или культурного события не находится места. Во-вторых, безусловное и обязательное требование современной журналистики – это оперативность. Очень трудно, если не сказать невозможно, рассказать о премьере (фильма, спектакля, музыкального произведения, выставки) без отсроченного осмысления авторского замысла, особенностей содержания и формы, места культурного события в истории жанра, творчестве автора, репертуаре театра, его социального значения. Но оперативность оказывается важнее, и мы получаем сообщение, написанное по канонам хроникальной заметки «о прорыве трубы». Как результат, в СМИ сложилась традиция, когда «особенности образцовой театральной (и любой другой – Е.В.) критики, ее фундаментальные цели и оценки, в культурном контексте и в системе принятых координат сегодня не востребованы массовым читателем» [3, с. 481].

Универсализация журналистского творчества тоже не предполагает погружения в проблему. Сегодня специализация на той или иной теме – привилегия избранных редакций, не озадаченных постоянным поиском источника финансирования. Если мы говорим о культуре, то настоящий литературовед вряд ли будет претендовать на серьезный анализ музыкального или живописного произведения; даже те, кто пишет о драматическом театре, стараются не оценивать музыкальные постановки. А

современный журналист, лишенный элементарных представлений о сложности художественного произведения, с легкостью берется информировать о нем читателя (слушателя, зрителя). К несчастью, уже можно говорить о тенденции, которую точно определила Г. Павловская: «Налицо общая тенденция смещения внимания с объекта критики на ее субъект... полемика вокруг текста выдает кулуарные секреты» [4, с. 486]. Журналистов и аудиторию интересует не про ЧТО, ЗАЧЕМ и КАК это сделано, а КТО, причем в поле зрения чаще всего попадают не творческие характеристики, не стиль, не особенности художественного мировоззрения автора, а его личная жизнь.

И последнее: доминирование новости разрушило важнейшую характеристику текста – его целостность. Долгое время над этим разрушением «трудились» создатели хрестоматий и кратких содержаний произведений школьной программы. Потом свою лепту внесла реклама. И вот телевидение, как конь блед, завершило этот процесс: когда в композицию фильма или спектакля вторглась сначала реклама, а теперь еще и «новости часа», ни о каком адекватном восприятии художественного произведения говорить не приходится.

Литература

1. Булацкая, Н. К вопросу об уровнях культуры / Н. Булацкая // Журналістыка-2009: стан, праблемы і перспектывы: матэрыялы 11-й Міжнар. навук.-практ. канф., прысв. 65-годдзю факультэта журналістыкі БДУ, 3–4 сн. 2009 г., Мінск / рэдкал.: С.В. Дубовік (адк. рэд.). – Вып. 11. – Мінск: БДУ, 2009. – С. 478–480.
2. МакКуэйл, Д. Журналистика и общество / Д. МакКуэйл. – М.: Медиа-Мир: Факультет журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, 2014.
3. Орлова, Т. Метаязык описания драматического спектакля в театральной журналистике / Т. Орлова // Журналістыка-2008: стан, праблемы і перспектывы: матэрыялы 10-й Міжнар. навук.-практ. канф. / рэдкал.: С.В. Дубовік (адк. рэд.). – Вып. 10. – Мінск: БДУ, 2008. – С. 480–482.
4. Павловская, Г. Масскультовые явления в современной литературной критике / Г. Павловская // Журналістыка-2008: стан, праблемы і перспектывы: матэрыялы 10-й Міжнар. навук.-практ. канф. / рэдкал.: С.В. Дубовік (адк. рэд.). – Вып. 10. – Мінск: БДУ, 2008. – С. 484–486.
5. Проблематика СМИ: информационная повестка дня / под ред. М.В. Шкондина, Г.С. Вычуба, Т.И. Фроловой. – М.: Аспект Пресс, 2008. – 316 с.
6. Ученова, В.В. Три грани журналистики: гносеологические проблемы публицистики. Публицистика и политика. У истоков публицистики / В.В. Ученова. – М.: Аспект Пресс, 2009.